

История вторая ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

Диана неторопливо катит перед собой по дороге коляску. Короткие темные волосы теряются на фоне сосен, светлое лицо с горячим взглядом карих глаз совершенно непроницаемо. Она, как Сфинкс, думает Яна. Странное чувство вызывает она. От нее исходят волны непредсказуемости, и в то же время чувствуется сила и уверенность во всем, что она делает. Яне хочется сказать Диане, что надо искать укрытие, уже несколько капель упали на ее приоткрытые ветром колени. Ветер закачал вершины деревьев, вдоль стволов посыпалась древесная шелуха. Солнечный свет погас, словно его выключили на огромной сцене, стало сумрачно и зябко от прохлады.

— Дианка, Дианка, вот мы и попали,— взволнованно произнесла Яна и вдруг услышала шум мотора и увидела, как впереди, у развилки дорог, остановился синий автобус.

Дианка быстро покатила коляску к нему и с тротуара, который был ровень со ступенькой, вкатила Яну в салон автобуса. Шипение закрывающихся дверей перекрыл оглушительный раскат грома и тут же бешеные потоки обрушились на стекла и крышу. Яне показалось, что это не дождь, а огромная морская волна накрыла, и нет конца падающему на них потоку.

— Янка... Давай я тебя закреплю тут у окна, а сама смогу сидеть рядом.

— Диана, но мы же так можем очень далеко заехать!

— Посиди, я сейчас приду.

Диана встала и пошла по проходу к кабине водителя.

Яна смотрит в окно на ливень, на редких, бегущих под цветастыми зонгами людей и не может опомниться, до того все быстро и неожиданно произошло.

Она почувствовала, как Диана бухнулась в кресло возле нее. Глаза ее сияют, губы улыбаются.

— Янка, тебе повезло! Ты знаешь, куда мы едем?

— Диана... Куда?..

— На край света.

— Не далековато ли?

— Янка, ты же сама говорила, что в твоей жизни все было так предсказуемо и размерено, вот, я и подумала, а не окунуться ли нам в жизнь, полную непредсказуемых и захватывающих приключений.

— Ты сумасшедшая! — нервно рассмеялась Яна.— Ты хоть... немного пожалей меня.

— С тобой будет полный порядок.

— Так... Ты что, знала про этот автобус? Он что-то подозрительно вовремя подкатил.

— Знала. Я на этом автобусе сто раз моталась... В общем, потом сама увидишь, куда.

— Конец света... Ну, ладно, будь по твоему.

Яна смотрит на Дианку, покачивает головой, и не может сдержать улыбку.

— Но ведь Женя и Ник думают, что мы дома,— говорит она.

— Ник меня хорошо знает. Уверена, что он так не думает.

Диана достает из сумочки телефон, набирает номер и подмигивает Яне.

— Ник, это я... Ага... Мы тут с Янкой в автобусе,— довольно улыбаясь, говорит она в трубку.— Нет, как у вас дела? Поймали что-нибудь?

Наклонившись к Яне, шепнула на ухо:

— Ник сразу почуял что-то. Он меня знает,— и снова в трубку: — Ник, мы тут подумали, что нам дома сидеть в такую погоду? А у вас что, дождь? Ха! У нас тут солнце вовсю. Очень Янке захотелось Латвию посмотреть, так что мы едем туда, где я люблю бывать. Полный порядок. Веселимся вовсю! Ой, Ник, жаль, вас с Женькой нету с нами. Было бы еще веселее. Да... Но вы там осторожнее. И не купайся... Слышишь? Змей там нет, на этом берегу? Будь осторожен!.. Давай... И звоните нам тоже.

Диана отключила телефон и довольно откинулась на спинку.

— У Женьки там клюет во всю. Потом они еще позвонят... Ну, как ты? Не прогодалась еще? Мы, когда приедем, перекусим. Дотерпишь?..

— Хорошо,— Яна взяла Диану за руку и крепко ее пожалала.

— Мы все время сейчас будем ехать вдоль моря. Оно будет справа за деревьями. Иногда мы будем подъезжать к нему совсем близко. Смотри, впереди, бывший рыбацкий поселок.

У края дороги показались домики, море синее прямо за деревьями. На небольшой площади, возле крытых соломенными крышами рыночных рядов, стоит с десятков машин. Дождь кончился, и солнце снова светит в чистом голубом небе (как быстро тут все меняется,— думала Яна,— да, Диана просто порождение этих мест), с трудом верилось, что только что была гроза, и было прохладно. Солнце жарко припекает руку Яны через стекло.

— Смотри, Яна, здесь с древнейших времен сохранился рыбный базарчик. Как-нибудь приедем сюда все вместе. Тут продают морскую копченую рыбу. Вкуснатиная!.. Тут тебе и засоленный лосось, и камбала, а какие морские окуни, а есть еще копченая рыба *lucis*. Она похожа на угря, только поменьше. А еще...

— Диана, у меня уже аппетит разыгрался.

— Янка, а какие там угри! Берешь кусок угря, а жир аж по локтям течет!..

— Дианка, прекрати, а то у меня будет голодный обморок.

— А... А говоришь, что не голодная. Ничего, скоро... Там... мы тоже рыбу купим.

Устроим пикник на свежем воздухе. Смотри, какая красота!

Домики поселка остались позади, теперь автобус, увеличив скорость, неся среди полей. Вдали, на горизонте, голубели полосы далеких лесов. Иногда, среди полей, под купой высоких деревьев, виднелись постройки хуторов. Автобус пронесся мимо стада коров, маленькие мальчик и девочка стоят у края дороги с велосипедами, щурясь от солнца. Мальчик что-то говорит девочке, а она, наклонившись вперед, откусывает от скибки арбуза, которую он держит в руках.

— Яна, вот, смотри,— придвинулась к ней Диана.— Взгляни на коров. Ничего странного не замечаешь?

Яна посмотрела на поле, по которому, гонимые ветром, ходят зеленые волны трав, взглянула на коров, щиплющих траву, на цепочку белых облаков над горизонтом...

— Странного? Да, вроде, нет.

— Видишь, Яна. Люди умничают, философствуют, решают судьбы человечества и при этом, не могут понять простых коров. Посмотри, все коровы, что щиплют траву, стоят, повернувшись головой к востоку. Все, без исключения, повернуты в одну сторону. Никто не знает, почему они это делают. И так по всему миру! А!.. Коров человек понять не может, а умничают, философствуют... Разве не смешно.

— Никогда не обращала на это внимания. И вправду, в одну сторону.

— Или лесные поляны. Стоит лес, густой, непролазный, и вдруг в нем — поляна. Ничего, кроме травы, на ней не растет. У нас за домом в лесу видела такую поляну? Что с этими местами такое? Почему на них не растет ни одно дерево?

— Погуглить не пробовала?

— Гуглила. Набила — «причина возникновения лесных полян». И высыпало — «причина возникновения лесных пожаров». То-то и оно!..

Автобус пересек мост через небольшую реку, внизу, среди ивовых деревьев, показалась живописная водяная мельница.

— Ух, ты! И колесо крутится. Вот бы тут порисовать! — восхищенно воскликнула Яна.

— Тут можно в любую сторону рисовать.

— Да и писать тоже. Куда ни посмотри — тема для книги.

— Думаешь, обо всем можно написать? — спросила Дианка.

— В мире нет ничего, что не было бы темой для рассказа, повести или романа.

— По-твоему, обо всем, что мы видим, можно написать историю?

— Да,— ответила Янка.

— И ты, видя все вокруг, знаешь, что об этом можно написать?

— Я просто не думаю об этом. Я бы сошла с ума, если бы видела во всем скрытые идеи. Видишь ли, мы окружены вещами, но все они подобны ларцам, которые надо уметь раскрыть. Иногда это приходит как озарение, а иногда надо все же немного подумать... В Библии тоже проходит эта мысль, что мир, это книга. Ее можно читать. Все, что мы видим, все, что происходит — это символы, которые что-то значат. Все имеет свой смысл. Но я, с некоторых пор, полюбила просто вот этот видимый нами мир и его красоту. Просто в красоте есть тоже свой смысл, но он недоступен никаким объяснениям. Мне стало интересно невыразимое.

— Я понимаю, но про сюжеты... Ты меня заинтересовала. Давай я тебе покажу что-нибудь, а ты скажешь, какую историю видишь в этом.

— Давай, если хочешь.

— Хорошо, я выберу сейчас что-нибудь потруднее.

— Выбери,— чуть улыбнулась Яна.

— Смотри, мы притормаживаем. Все, что сейчас увидим за окном, это и будет тема. Давай, пока красный свет. Видишь, что-нибудь интересное?

— Так, мужчина идет по дороге. Впереди него женщина... Как думаешь, на вид ей лет шестьдесят. Чуть прихрамывает. Одежда у нее простенькая. Сумку несет с трудом... Тяжелая сумка. Босоножки старенькие, разбитые. А вон, девушка идет им навстречу. Как сказал бы Женя — хороша штучка! Итак, что же у нас получилось? Неброская женщина, от которой так и веет усталостью от жизни, мужчина и девушка... Мне кажется, это интересная история.

— Ты видишь историю?

— Да. Эта история может называться «Дорога». Итак... Идет по дороге мужчина, и видит впереди себя женщину. Люди смотрят друг на друга оценивающе, и он тоже не может не заметить и ее невзрачность, усталость, и эти сбитые босоножки. Для мужчин внешность много значит. Да еще на фоне вон той девушки.

— И что же дальше?

— А дальше... Молоденькая проходит мимо них, женщина входит в одну из калиток и идет к дому, в котором живет. А мужчина продолжает идти по дороге теперь уже один. И тут, вдруг...

— Да, я чувствую, что пора чему-то произойти,— придвинулась к ней Диана.— И вдруг...

— Внешне ничего не произошло. Если бы кто-то увидел этого человека, идущего по дороге, он бы и не догадался, что что-то случилось. Продолжая идти по пустынной дороге, он вдруг подумал: а ведь, когда ему было лет семь-восемь, эта женщина была такой же молодой, как та девушка, что прошла сейчас мимо него. И он, наверняка, встречал ее тогда, но только не обращал внимания. Несомненно, иногда они оказывались очень близко. Он же целыми днями носился по этим дорогам на велосипеде, и каждый раз проезжал мимо этого дома. И тут он вспомнил те дни, своих друзей и их летние игры на полянах. Да, поляна... Перед домом, куда зашла женщина, сразу через дорогу, стоит большой дом, но раньше на этом месте была поляна. На ней они тоже часто играли в футбол. Да, он хорошо помнит поляну. И даже, кажется, он припоминает и дом. И мужчина, продолжая идти по дороге, стал вглядываться в ту даль, в которой нет ни пространства, ни времени. Все то, о чем он вспоминал, было очень близко, но подернуто дымкой, как бывает в туманный день, и нужно усилие, чтобы вглядеться в детали. Но именно детали ему сейчас и хотелось припомнить. И он ясно увидел тот летний вечер. Уже темнеет, сонно стрекочут цикады, носятся над поляной летучие мыши и зажигаются огни в окнах домов. Играть уже трудно, мяча не видно, но уходить не хочется. Сейчас самое чудное время, когда в темноте, каждый звук, каждая проступающая в небе звезда, порыв ветра, приносящий волнующие ароматы из леса, все это создает то, что называется — ночью. Ночь для него, это не просто тьма, а далекий шум поезда во тьме, шелест листвы во тьме, чей-то тихий разговор... На дороге он видит парней постарше. Один из них перебирает струны гитары, а другие кого-то зовут, стоя у забора перед домом. И тут на большой балкон вышла девушка. Лица ее в сумерках он не мог разглядеть, но ясно помнит, как она вышла и остановилась, опершись руками о перила. Кажется, она улыбалась. И волосы были у нее темные, а платье светлое. Парни звали ее гулять, но она ничего не отвечала им, и только отрицательно покачивала головой. Светлое платье, балкон, приближающаяся ночь, звон цикад, звезды в темнеющем небе. Она казалась волнующе прекрасной в сгущающихся сумерках. Пойдет или не пойдет она с ними? Было в ожидании этого что-то волнующее, но что — он в те годы еще не понимал, хоть и чувствовал что-то щекочущее в груди. Пойдет она с ними или нет? Очень хотелось это узнать.

Но он так этого и не узнал. Надо было идти домой. И он ушел по той же самой дороге, что идет сейчас. И тут он снова подумал о той женщине, что шла сейчас перед ним по дороге. Поблекшая, чуть прихрамывающая. С плечами, поникшими от усталости. Он продолжал идти по дороге и вдруг подумал о безжалостном времени, что пронеслось сквозь его жизнь. А может, жизнь его пронеслась сквозь время... И еще он подумал, что он ведь и сейчас не разглядел ее лица. Он оглянулся, но дорога была пустынной. Все прошло...

Какое-то время они ехали молча, Яна ничего не говорила, смотрела в окно, но Диана, глядя на ее лицо, чувствовала, что за окном она сейчас ничего не видит.

— Грустная история,— сказала Диана.

— Ну, это всего лишь одна из историй. Поверь, на самом деле их очень много.

— Но выбрала ты именно эту.

— Первое, что пришло в голову.

— Здорово! Можно я напишу этот рассказ?

— Конечно! Зачем ты спрашиваешь. Все мои идеи — твои.

— Слушай, но почему ты бросила писать? Папа в восторге от твоих текстов.

— Потянуло к тому, что нельзя выразить словами. Только красками и линиями.

Может, когда-нибудь я снова захочу писать. Мы не знаем, что будет дальше.

— И тогда мы вместе напишем книгу.

— Может быть.

Яна улыбнулась и ехала так некоторое время, с легкой полуулыбкой, слегка покусывая нижнюю губу.

— О чем же такая книга могла бы быть? — задумчиво произнесла Диана.

— Мы могли бы написать книгу о том, как мы пишем книгу о том, как мы пишем книгу.

— Янка, ты гений! — Дианка расхохоталась.

— Все гении. Может быть, это и есть то, последнее, что каждый человек понимает в последнюю минуту своей жизни. Но только... время закончилось.

— Да,— кивнула Диана и посмотрела в окно.— Смотри, какие просторы! Мы сейчас едем по серединной части Латвии — огромные луга, хутора, далекие леса на горизонте. Все совсем не так, как в наших местах, но скоро мы снова повернем к морю.

— Куда же ты, все-таки, везешь меня, Диана?

— Не устала?

— Нет. Это так непривычно, но мне нравится вот так ехать «туда, не знаю, куда и найти там то, не знаю, что».

— Все приключения, Янка, впереди. Хотя, если честно, я и сама не знаю, что будет дальше.

— То есть, финала не видишь?

— Не люблю финалы! Все финалы такие грустные. В нашей с тобой истории финала не будет.

Широкие поля по обеим сторонам дороги. Высокие травы у обочины согнуты ветром. Ветер с моря, а значит, дождя не будет. Яна достала блокнот из сумки и гелиевой ручкой (только гелиевые ручки она любит) стала рисовать облако в небе, пронзенное, словно стрелой, вертикальным, прямым следом самолета. Диана решила сфотографировать рисующую Яну, но, когда достала телефон и включила его, увидела, что Яна на новом листе рисует салон автобуса, уходящий в перспективу, ряды кресел и заполненные легким штрихом силуэты людей на фоне залитых солнечным светом окон.

Диана сделала снимок, посмотрела на него. Снимок удался. Ей удалось снять го-

рядящую золотом прядь волос, закрывающую светлое лицо Яны. Диана смотрит на волосы Яны, зачарованная их отливом... Загадочная Яна. Она совсем ничего не рассказывает о себе. А может, и вправду ей нечего особо рассказать.

— А как вы там живете? — спросила Диана.

Яна откинула волосы с лица и посмотрела на нее... Как-то очень строго. Почему у нее бывает такой строгий взгляд. И тут же улыбка, совсем детская. Она вздохнула, задумалась.

— Ничего особо интересного. Жду Женьку, рисую. Хорошо, что он устроил мне работу для журнала. По выходным стараемся выбираться. В Лондоне были несколько раз, но в основном мы там, у нас. В общем-то, там красиво, но... все это временное. Это не дом. Все равно как в зале ожидания. Мне очень нравится тут, у тебя. Может, и вправду когда-нибудь получится жить поближе к тебе. Может, случится, когда-нибудь, такая «утраченная книга», рассказанная своими словами.

Диана повертела телефон в руках и положила в сумочку.

— Я заметила, что в жизни сбывается все, о чем мечтаешь, — сказала она.

— Если только это входит в Божий промысел. Мы же так и молимся — «да будет воля Твоя».

— У меня твоя история все не идет из головы. Ну, та, про мужчину и женщину. Интересно, а как бы она могла называться...

Дианка вздохнула, словно некая чудесная мысль посетила ее.

— Рассказать тебе, Янка, об одном моем способе находить названия? Смотри, сейчас у меня с собой книги нет, так что воспользуемся Интернетом. Давай выберем какую-нибудь из хороших книг... Вот, у меня в закладках книга Маркеса «Любовь во время чумы». Сейчас великий Габриэль Гарсия Маркес название нам и посоветует. Обычно я беру книгу, раскрываю в любом месте, веду, не глядя пальцем по строчкам, останавливаюсь и смотрю, что выпало...

И Диана, прогнала текст романа на экране смартфона, остановила его и прочитала вслух:

— «Вечером того же дня...». Так начинается абзац. Потрясающе! Начало той истории, когда они просто идут по дороге, тоже может происходить вечером и потом он вспоминает поздний вечер из детства. Времени, Янка, нет... Я этого не понимаю, но его нет. И если это так, то название — «Вечером того же дня» становится полным глубочайшего смысла. Разве это не грандиозно!.. Знаешь, я напишу этот рассказ. Считай, что он уже написан.

— Ох, Диана, ты такая забавная! Но я согласна — с Маркесом действительно стоит советоваться.

— Не обязательно с ним. Можно взять любого великого писателя... Янка, видишь, мы сворачиваем постепенно вправо, в сторону моря. Скоро будет что-то интересное.

— Диана, с тобой быть вместе — это все равно, что читать интересную книгу.

— Я вообще думаю, что жить, это — читать интересную книгу. Или скучную. Все зависит от автора. Знаешь, о чем я однажды подумала...

— О чем?

— Смотри... Возьмем какой-нибудь великий роман. Любой. Пусть это будет «Война и мир».

— Хорошо, только честно скажу, до самого конца я его не читала. Да и перелистывала некоторые места.

— Неважно. Представление об этой книге ты имеешь. И теперь представь, что на Земле произошла катастрофа. Вся цивилизация погибла, все разрушено, сгорело, не осталось ничего. Но многие выжили. В том числе и ты. Люди пытаются выжить, до-

быть еду, кров, тепло. И тут кого-то может заинтересовать судьба великих произведений искусства. Что-то сохранилось, а что-то и исчезло бесследно. В том числе, на всей Земле не осталось ни одной книги «Война и мир». Представь, что ни одной страницы не уцелело... Люди помнят, в общих чертах и героев книги и какие-то события, но текста нет, и никогда не будет. Даже по памяти никто не может восстановить ни одного фрагмента. И тут происходит удивительная вещь — история, которую мы помним по книге, становится просто одним из наших воспоминаний. И, как и любое наше воспоминание, мы можем рассказать ее своими словами. Шедевра не стало, но книга стала жизнью. Ведь жизнь — это и то, о чем остается память. Но то же самое происходит и наоборот — все, что происходит с нами в жизни, без каких-либо исключений, это великая литература. Вот, только тексты утеряны. Мы можем рассказать эти истории только своими словами.

— Все это интересно. Никогда не думала с этой стороны о жизни.

— Видишь, опять справа пошли сосны, дюны. Там, за деревьями, море. Еще немного и мы приедем.

— Домов совсем не видно.

— Да, мы на самом краю Латвии. Раньше тут проходила граница СССР. Тут была закрытая зона. В те времена мы бы с тобой тут не покатались.

Высокие сосны, тянувшиеся по обеим сторонам дороги, сменились лиственными деревьями и высокими, густыми кустами. Небо было пронзительно голубым, а белый след самолета, который рисовала Яна, размытый ветром, стал похож на изогнутое птичье перо.

Яна спрятала блокнот в сумочку и стала вглядываться в деревья за окном автобуса.

Диана довольно улыбаясь, чуть прикусила губу.

— Ну, как, Янка, как тебе... тут?

Яна, продолжая вглядываться в деревья и в высокое небо, посмотрела на Диану.

— Да как-то странновато тут.

— Вот! — торжествуя воскликнула Диана. — Я давно ждала этого момента. Я так и думала, что ты почувствуешь это...

— Что почувствую?.. Дианка, не тяни, тут действительно как-то странно.

— Смотри, вот мы знаем, что люди могут видеть, слышать, различать запахи, что-то там еще могут. Но... люди могут еще и чувствовать. Они могут чувствовать то, что нельзя ни увидеть, ни услышать, ни потрогать.

— Но что это? Я точно чувствую что-то странное.

— Яна, — Диана взяла Яну за руку, — ты знаешь, с какой стороны море?

— Там, справа. Оно же там все время было.

— Да, так и есть. Оно справа. Но слева, за деревьями, тоже море! И представляешь, ты, не видя этого, чувствуешь...

— И слева и справа море? Так разве может быть? Мы что, едем по мосту?

— Мы приближаемся к самому концу мыса Колка. Он далеко выступает в море. Оно сейчас и слева, и справа, и впереди.

— Боже, хорошо, что сзади его нет. Здорово! Но моря не видно.

— Оно тут, вокруг. Сейчас... Вот уже и остановка.

Автобус выехал на широкую площадку среди невысоких сосен, проехал мимо стоящих машин и остановился у кафе. Среди сосен виднелись столы, лавки, а чуть дальше еще кафе и еще машины в тени леса.

Диана выкатила Яну из автобуса. Тугая волна прохладного ветра прошла по вершинам деревьев, и они зашумели над их головами. Яна поехала.

— Тут будет сильный ветер, особенно там, у моря. Ведь это не залив, как у нас. Тут открытое море и всегда дует ветер.

— Как на мысе Горн.

— Вот-вот,— усмехнулась Дианка.— Сейчас отдохнем. Вон там туалет. Думаю, это актуально, а то не знаю, когда он опять будет поблизости. А потом я достану тебе какую-нибудь ветровку, отдохнем за столиком и перекусим. Угощу тебя здешней копченой рыбкой. Знаешь, мы даже выпьем сейчас какого-нибудь хорошего пива. Под рыбку, самое то. Ну, что, Янка, живем! Добро пожаловать на мыс Колка!..

Оглушительный шум хаотично сбивающихся волн ошеломил и напугал Яну. Порывы ветра доносили до них водяную пыль и аромат солоноватой свежести. Яне непривычно было чувствовать себя на самом конце выступающего в море мыса. Слева, справа, спереди — всюду хаотичное столкновение огромных валов.

— Вот там я и буду рисовать. Но дальше я пойду сама,— сказала Яна, с восторгом оглядывая берег.

Коляска и вправду завязла в глубоком песке на вершине дюны. Диана помогла Яне подняться, сойти по пологому песчаному спуску и дойти почти до самой воды.

Берег усеян светло-серыми обломками дерева. Некоторые из них море и песок отполировали до идеальной гладкости. Просушенные солнцем, просоленные морем, даже самые большие из них были почти невесомы, словно гигантские, ломкие крекеры.

Но особенно поразил Яну левый поворот мыса, где весь берег был завален стволами деревьев. Они лежали вповалку друг на друге, делая берег непроходимым, выступали темными змеевидными ветвями из воды. Яна устроилась на стволе одного из деревьев, выброшенного волнами далеко на берег. Сюда чуть меньше долетали брызги волн, и шум их не так будоражил душу, как на самом кончике мыса.

Диана устроилась рядом. Разложила на широком стволе пакеты с купленной в кафе «вкуснятинкой» — пирожки со шпеком, копченая камбала, кусочек угря и кружок янтарно-желтого сыра с тмином.

— Ты не думай, Янка, у нас и горячий кофе есть. Пиво я не стала покупать. У нас еще немалый путь впереди.

— Боже, неужели, немалый? — удивилась Яна, разглядывая изгибы ветвей, покачивающиеся на волнах. Здесь, за левым поворотом, море было спокойнее, и волны лишь ритмично набегали на берег. Здесь слышался стук сталкивающихся в воде стволов, да крики чаек далеко в море.

— Янка, давай перекусим, потом дорисуешь. А то кофе остынет. Посмотри, как много здесь стрекоз!

— Тут все поразительно. Здорово, что ты придумала эту поездку.

— А я и не придумывала ничего. Она произошла совершенно неожиданно. Если бы не та гроза, то... вернулись бы домой и, как две клуши, варили бы варенье. Представляешь, как неинтересно.

— Мы и про мужей своих совсем забыли.

— Фу, слово такое смешное — мужья!.. Ага. А они про нас. Очень это, иногда, полезно в семейной жизни.

— Ты так мне и не рассказала, как вы с Ником познакомились.

— Там целая история была. Можно книжку об этом написать. Как-нибудь расскажу... Попробуй сыр. Это настоящий Янов сыр, его на Лиго с пивом едят.

— Говоришь, вкусно?.. Да, классно,— кивнула Яна, откусив кусочек потеплевшего на солнце сыра.

— Все это надо слопать, Янка,— сказала Диана, жмурясь на солнце и оглядывая море.— Хорошо тут, правда?

— Мне очень нравится.

— Мы с Мишкой тут сто раз были.

— Мишку я помню.

— Они летом с отцом все время в путешествиях проводят.

— Женишься не собираешься?

— Пока нет.

— Думаю, он в тебя влюблен.

— Не знаю.

— Да ладно, не знаешь ты...

— Налегай, налегай, Янка... Фу-ф!.. Как тут и вправду хорошо — на краю земли.

Но, ничего, вернемся из нашего великого путешествия, доварим варенье и, как-нибудь, дождливым вечером, посмотрим классный фильм Бергмана.

— Как называется?

— М-м-м, это будет сюрприз. Очень страстный фильм. А страсть — единственное, что придает жизни смысл.

— Ой, Дианка... Смешная...

— Да уж поверь моему опыту, дитя мое... Страсть, она ведь может быть разная. Может быть страсть к еде, а может к вину. Ну и естественно, — Дианка лукаво взглянула на Янку, — чего скрывать, может быть и страсть к сажанию картошки...

— Эх, Дианка, была бы я парнем, точно бы в тебя влюбилась.

— Уже замужем. Забито... Ну, как, накормила я тебя?

— Диана, обалдеть, как вкусно. Вот только руки помыть хотелось бы.

— Сейчас зачерпнем.

Диана закатила чуть повыше шорты и вошла в воду. Волны плещутся у ее ног, таких светлых, изящных. Странно, — думает Яна, — ведь и спортом она не занимается, а такая красивая. Просто, такая она есть...

— Дианка, ты очень красивая! — крикнула ей Яна и помахала рукой.

Дианка улыбнулась и, набрав в полиэтиленовый пакет воду, вышла на берег. Пакет светится на солнце, словно шар, полный огня, ослепительные капли срываются с него и падают снова в море.

— Представляешь, как сейчас мы далеко, — сказала она, сливая воду на руки Яны.

— От чего далеко?

— Ну, хотя бы от Женьки.

— Это уж точно. Я ведь в жизни никогда не была «далеко». Далеко можно быть от дома, от родных, друга... В интернате, в больницах, в санаториях я всегда чувствовала себя как дома.

— Интересно, — произнесла Диана, сядя рядом; она поддела ногой песок и посмотрела, как тот полетел по ветру, — где-то я слышала, и какой-то смысл в этом есть, что человеку, в общем-то, и нужно только три вещи — кров, пища, тепло. Интересно, какой была бы жизнь, если бы человеку и этого бы не требовалось? Все время было бы тепло, спи под любым кустом, кругом полно еды, только руку протяни.

— Видела я такое в одном фильме про африканское племя. Мужик там именно так и спал под кустом, в теньке, потом вдруг падает с дерева какой-то фрукт. Он руку протянул, поел, на другой бок перевернулся и дальше спит.

— М-да... Фильм, наверное, назывался «Сдохнуть в Раю». Нет, идея мне уже не нравится.

— Дианка, нам бы подумать об обратном автобусе.

— Рассудительная моя сестричка, обратного автобуса сегодня не будет.

— Будем спать под кустом?

— Нет, спать будешь на широкой постели. Но сегодня нам всюду будет дом. Янка, ты уж доверься мне. Ты говорила, что жизнь твоя была монотонная и предсказуемая...

— Все-то ты подметишь. Я и не помню, как это сказала.

— Было, было... Вот я тебя теперь приключениями и завалю. После сегодняшнего дня и, особенно, ночи, ты уже такие слова не скажешь.

— Ну вот, совсем напугала. Ты не лесбиянка часом? — Яна рассмеялась.

— Мы ничего не можем знать, знаю одно — будет чистый дзен, чистое существование. Когда японский мастер дзен по имени Доген, вернулся из путешествия по Китаю, его спросили, что он привез? И он ответил — «глаза по горизонтали, нос по вертикали...». Вот, и все его учение. Чистое осознание. Вот осознай этот миг, Янка. Ведь пока мы говорим, ты перестала слышать, как шумит море, перестала чувствовать ветер. Почувствуй все это...

— Я чувствовала, что за твоими безумствами всегда что-то есть. Что-то такое, что я не могла понять. Теперь ты это прямо сказала. А?.. Что улыбаешься?..

— Просто смотрю на тебя и улыбаюсь. Мы такие разные. Ты рассудительная, и, не спорь, гораздо умнее меня.

— Понимаю, понимаю, а ты гораздо мудрее меня. Понимаешь, Диана, мы жили разные жизни. Я бы не выжила, если бы была другой. Я зверек, который знает, что такое голод и холодная нора.

— Но ты сегодня просто доверься мне. Поверь, я знаю, что хочу... показать тебе. Ладно?..

— Доверяюсь тебе, Диана.

— Зови меня Дианка.

— Ди... ан... ка. Дианка... Знаешь, я тебе скажу то, что чувствую, может, ты и не писатель вовсе, а что—то другое, под видом писателя.

— Может, я и не Дианка вовсе, а что-то другое под видом Дианки.

— Да, так лучше.

— Знаешь, давай купаться. Там так классно, вода теплая, кругом колышутся эти поваленные деревья. Прямо какой-то «остров затонувших кораблей». Это незабываемо! Давай!..

— У нас же нет купальников.

— А ты видишь людей? Все уже ушли на последний автобус. Раздеваемся и в воду.

— На маньяков не нарвемся?

— Здесь их нет. Сюда слишком долго добираться. Давай, Янка.

И Диана, встав, скинула шорты, майку и в одних узких, черных трусиках шагнула к воде, остановилась и протянула Яне руку. Яна оглянулась вокруг себя. За спиной замер лес, освещенный теплым светом солнца, справа берег, заваленный стволами деревьев, словно обломками сотен кораблей, потерпевших кораблекрушение. А слева, за песчаным выступом мыса, бушует море, вздымается водяная пыль, кружат огромные водовороты. Но здесь тихо, безветренно и волны с мягким плеском выкатываются на берег.

Яна, с трудом поднявшись, расстегнула джинсы, и они упали к ее ногам. Сняла блузку и, поискав глазами, куда бы ее положить, махнула рукой и просто кинула на ствол дерева.

— Яна,— Диана протянула ей руку.— Держись за меня. Здесь очень гладкий берег. Не бойся, я крепко тебя держу. Я, хоть и хрупкая, но знаешь, какая гераклистая.

Они медленно вошли в воду по пояс... Потом еще чуть дальше, и плечи Яны окатила теплая, покатающая волна. Диана держит ее за руки и смотрит куда-то далеко за горизонт. И в этот миг, ощущая всем телом свежесть моря, Яна вдруг почувствовала, что времени и вправду нет. Понять это нельзя, но можно почувствовать, что иначе быть не может. Море, ветер, чайки, и еще она слышит свое дыхание. А ведь никогда

она к нему не прислушивалась. Дышит... И разве может быть иначе?.. Только сейчас она и поняла, что всего лишь дышать и есть уже чудо. Целое небо воздуха над ней и зеленовато-голубой простор моря, и все это наполняет сердце такой радостью. И все вокруг так чудесно! И можно стоять в воде, и не бояться, что упадешь. Вода держит и дарит свободу движения, которую Яна давно уже позабыла.

— Так бы и жила в воде, как Ихтиандр,— тихо произносит она.

Диана плавает рядом, и кольшутся вокруг выступающие из воды ветви деревьев, с плеском постукивают друг о друга скользкие стволы.

Как радостно ни о чем не думать. Да стоит сейчас о чем-то подумать, и все пропадет... Зачем думать?.. Не хочу,— думает Яна. Зажмурившись, она повернула лицо в сторону солнца и почувствовала его тепло лбом, щеками, даже кончиком носа. Приоткрыла глаза и радостно содрогнулась, ослепленная блеском воды. И тут же прохладные брызги окатили ее плечи и шею.

Это Диана подплыла сзади, подхватила подмышки руками и она, поддерживаемая Дианой, расслабилась и легла на спину на поверхности воды. Маленькие волны перекатываются через ее колени, живот, и голую грудь... Море ласкает ее, солнце греет и целое небо чистого воздуха над ней.

— Не холодно? — у самого ее уха произнесла Диана.

— Очень хорошо! Я ни о чем не думаю.

— Чувствуешь? — спросила Диана.

— Что?

— Что мы с тобой на краю света...

— Да... И последний автобус ушел.

— И пусть. Мы дома, Янка.

— Да, Диана... Мне так хотелось бы, чтобы Рай, если он когда-нибудь будет, был бы хоть капельку похож на этот миг.

Диана ничего не говорит и только смеется. Ее короткие мокрые волосы растрепались, она похожа сейчас на чудесного мальчишку, гораздо более сильного, чем она, Янка.

— Помнишь, как когда-то в детстве я писала тебе, что однажды мы будем вместе,— сказала Диана.— Все сбывается. Вон сколько прошло времени, но ведь сбылось. Может, мы и вправду нужны для чего-то в этом мире, раз какие-то силы нам помогают. Я чувствую, что это так...

(Продолжение следует)

